

Моему дедушке. Причин хватает.

Миру необходимы плохие люди.
Мы отпугиваем тех, кто еще хуже.

*Раст Коул,
телесериал «Настоящий детектив»*

Пролог

**Витория,
август 2016**

Журналисты упорно преследовали ребят из моей тусовки. Им нужен был материал, и они рассчитывали, что те им как-то помогут. Их выслеживали по всей Витории ровно с той минуты, как появилась новость, что мне прострелили голову: отныне покоя не было никому.

С утра они ловили моих друзей возле дома. По вечерам — в «Сабурди» на улице Дато, где они молча ужинали. В те дни ни у кого не было желания разговаривать, а постоянное присутствие репортеров дополнительно давило на психику.

— Мы сожалеем о случившемся с инспектором Айялой. Вы собираетесь на вечерний митинг? — допытывался журналист, размахивая у них перед носом газетой с новостями на первой полосе, где моя физиономия занимала едва ли не больше места, чем сама статья.

Хота, здоровенный смуглый парень, тщетно пытавшийся спрятать лицо от прицела камер, общался со мной за несколько недель до выстрела. Мои подруги, с которыми мы знали друг друга с детства, смотрели в тарелку, друзья отворачивались от камер.

— Просто ужас, — буркнул наконец Хота, хлебнув красного вина. — Жизнь несправедлива, очень несправедлива.

Он намекал на то, что пора бы оставить их в покое, но тут репортеры увидели Германа, моего брата-карлика, чей рост метр двадцать невозможно было не заметить. Бедняга

сделал попытку пробраться к туалету. Репортер, с косящими от бесконечных извинений глазами, его узнал.

— Это его брат, быстрее за ним! — скомандовал он операторам

Герман обернулся и захлопнул дверь кабинки прямо у них перед носом; в тот же вечер его поход в туалет транслировали все национальные каналы.

— Идите к черту, — пробормотал измученный Герман спокойно, почти миролюбиво.

Я знаю, виторрианцы потрясены новостью о том, что их героя застрелили, и если заранее все продумать, что, к сожалению, невозможно, меня ради такого случая следовало бы нарядить в костюм.

Ни один полицейский не готов к тому, что станет последней жертвой серийного убийцы, год за годом державшего в страхе целый город, но жизнь придумывает множество способов нас обхитрить.

В общем, на снимках я получился так себе. Как я уже говорил, мне всадили пулю в голову. Однако следовало бы рассказать подробности того, что в начале носило название «Двойного убийства в дольмене¹», а в итоге превратилось в самую настоящую бойню, продолжавшуюся много лет и тщательно спланированную преступным умом, чей IQ значительно превышал умственные способности всех тех, кого мы подозревали.

Когда человек, убивающий людей одного за другим, — чертов гений, остается лишь молиться, чтобы твой мяч не выскочил из золоченой корзины и следящий за игрой мальчишка не объявил дрожащим от волнения голосом твой номер.

¹ Дольмен — погребальное культовое сооружение эпохи бронзы.

1. Старый собор

24 июля, воскресенье

Я наслаждался лучшим в мире картофельным омлетом — яйцо полусырое, картошка хорошо пропеченная, при этом хрустящая, — когда раздался телефонный звонок, изменивший всю мою жизнь. В худшую, надо заметить, сторону.

Был канун Дня Сантьяго, и мы, жители Витории, готовились ко Дню блузы¹, любимому празднику молодежи, который открывает целую череду других праздников, проходящихся на начало августа. В отделанный деревянными панелями бар, где я наспех заканчивал свой маленький гастрономический праздник, набилось столько шумного народа, что, почувствовав в кармане рубашки, возле сердца, дрожь ожившего мобильного, я вышел на улицу Прадо.

— Что случилось, Эстибалис?

Обычно напарница старалась не беспокоить меня в выходные, а День блузы и канун праздников были тем более священными днями: весь город вверх ногами, о работе никто не думает.

Грохот духового оркестра и гвалт следовавшей с ним толпы, которая подпрыгивала и подпевала в такт музыки, в первый момент не позволяли расслышать голос Эстибалис.

¹ День Сантьяго — День святого Иакова, покровителя Испании, 25 июля. День блузы — праздник в честь Белой Богородицы, покровительницы Витории. Во время праздничных мероприятий молодые парни наряжаются в баскские национальные костюмы, одна из составляющих которых — широкая голубая блуза. Женский наряд называется *peska*.

— Унай, срочно приходи к Старому собору, — приказала она. Эти слова, равно как и их звучание, озадаченное и одновременно взволнованное, непривычно звучали в устах девушки-полицейского с отлично поставленным голосом.

Я сразу сообразил, что случилось что-то серьезное.

Пытаясь скрыться от вездесущего шума, который в тот день наполнял весь город, я машинально направил шаги к парку Флорида, стараясь уйти подальше от децибелов, мешавших хоть как-то поддерживать разговор.

— Что случилось? — спросил я, стараясь собраться с мыслями: последний глоток риохи явно был лишним.

— Ты не поверишь, но все в точности так же, как двадцать лет назад.

— Ты о чем, Эсти? Я плохо соображаю.

— Археологи из реставрационной команды собора обнаружили в склепе два обнаженных тела. Юноша и девушка, ладони на щеках друг у друга. Что-то напоминает, верно? Приходи немедленно, Унай. Это серьезно, очень серьезно. — И она нажала отбой.

«Быть такого не может», — подумал я.

Такого не может быть.

Я даже не попрощался с ребятами. Скорее всего, они так и сидели в баре «Сагартоки» посреди людской толчеи, и маловероятно, что кто-то из них обратил бы внимание на мобильный, если я позвонил, чтобы сообщить, что мой День блузы подошел к концу.

После звонка напарницы я, понутив голову, направился к площади Белой Богородицы, прошел мимо своего дома и дошел до начала Коррерии, одной из старейших улиц средневекового города.

Неудачный выбор. Народу там было полно, как и повсюду в центре. «Малькериды» и другие бары, изобиловавшие в нижних этажах старого города, были полны виторинцев, и я более четверти часа добирался до площади Бурульерия, расположенной у собора, где мы с Эстибалис договорились встретиться.

Площадь получила свое название потому, что в XV веке представляла собой рынок бурульеров — сукновалов, превративших город в торговую артерию северной части полуострова. Я шел по мощеной мостовой, и бронзовая статуя Кена Фоллетта¹ с тревогой наблюдала, как я прохожу мимо, словно писатель заранее предвкушал темные сюжеты, которые сплетались вокруг меня.

Эстибалис Руис де Гауна, инспектор отдела уголовного розыска, работавшая со мной в паре, ожидала меня на площади у собора, попутно делая звонки в тысячу разных мест и нервно расхаживая туда-сюда. Со стороны она напоминала спящую ящерицу. Ее рыжая грива до подбородка и скудные метр шестьдесят едва ли соответствовали требованиям при приеме в штат, и Витория чуть не потеряла одного из самых энергичных и сообразительных следователей.

Мы были чертовски хороши в закрытии сложных дел, хотя и не так хороши в следовании правилам. Нам не раз выносили предупреждение за отсутствие дисциплины, и мы привыкли покрывать друг друга. Что же касается правил... Как говорится, мы над этим работаем.

Мы над этим работаем.

Я смотрел сквозь пальцы на некоторые пристрастия, которые все еще присутствовали в жизни Эсти. Она смотрела в другую сторону, когда я не следовал указаниям начальства и проводил расследование самостоятельно.

Я специализировался на психологии преступников, поэтому именно ко мне обращались при обнаружении серийных случаев: убийств, изнасилований... Всякий мерзавец и подонок, чьи преступления повторялись, поступал ко мне в работу. Обычно серийный случай насчитывает более трех аналогичных преступлений, даже если по времени их разделяет период затишья.

¹ Кен Фоллетт — валлийский и британский писатель, описывавший в своих романах собор Санта-Мария в Витории, что вызвало большой приток туристов.

Эстибалис занималась виктимологией, наукой прославленной и забытой. Почему жертвой становится именно этот человек, а не кто-то другой? Эсти увереннее, чем кто-либо, ориентировалась в базе данных SICAR¹, которая включала в себя всевозможные следы и отпечатки автомобильных шин, или SoleMate, энциклопедии всех марок и моделей ботинок, кроссовок, кед и тапочек производства самых разных стран.

При моем появлении она спрятала мобильный и посмотрела на меня с сочувствием.

— Что там? — поинтересовался я.

— Сам увидишь, — прошептала Эсти, как будто нас могло услышать само небо, а может, преисподняя, кто знает. — Мне звонил комиссар Медина собственной персоной. Им нужен эксперт по психологии, как ты, а меня они просят заняться жертвами. Сейчас все поймешь. Любопытно, что ты скажешь. Уже прибыли криминалисты, судмедэксперт и судья. Зайдем со стороны Кучильерии.

Кучильерия была одной из старинных улиц, где в Средние века располагались мастерские различных гильдий. Какими только ремеслами не занимались предки виторианцев: кузнечное дело, сапожное дело, шорная мастерская, маляры и штукатуры... Эта часть Средневекового города оставалась нетронутой, несмотря на миновавшие с тех пор столетия.

Важно отметить, что к собору вели узкие ворота, казавшиеся проходом между домами.

Двое полицейских уже стояли у массивной деревянной двери дома под номером 95. Они поздоровались с нами и пропустили внутрь.

— Я допросила двоих археологов, которые обнаружили тела, — сообщила мне коллега. — Они пришли сегодня, чтобы продолжить свои раскопки. Видимо, на них надавили из Фонда собора Санта-Мария, чтобы в этом году они

¹ SICAR, Sistema Nacional de Cadastro Ambiental Rural — национальная испанская система сельского кадастра.

закончили крипту и ров. Они оставили нам ключи. Как видишь, замочная скважина не тронута. Никаких следов взлома.

— Получается, они явились на работу накануне Дня Сантьяго? Не кажется ли тебе это несколько... странным для виторянца?

— В их поведении я не заметил ничего странного, Унаи, — Эсти покачала головой. — Они возбуждены или, скорее, испуганы. Такую реакцию подделать невозможно.

«Что ж, значит, так оно и есть», — подумал я. Я доверял мнению Эстибалис, как заднее колесо телеги доверяет переднему. Мы были партнерами и крутили одни и те же педали.

Я вошел в отреставрированный портик, и Эсти закрыла за нами дверь. Праздник остался где-то вдали.

До сих пор известие о найденных трупах не умещалось у меня в голове — слишком уж не сочеталось оно с радостной и беззаботной суетой, царящей вокруг. Но дверь закрылась, нас окружила монастырская тишина, рабочие прожекторы тускло подсвечивали лестницу, ведущую в подземную часовню, и все это показалось мне более реальным. И ужасным.

— Эй, надень каску. — Эстибалис протянула мне одну из белых касок с синим логотипом, которые фонд рекомендовал посетителям, входящим в собор. — С твоим ростом того и гляди треснешься головой.

— Неохота. — Не оборачиваясь, я обозревал тесное помещение.

— Это обязательно, — настаивала она, дернув меня за рукав и вновь протягивая мне белую посудину.

Это была наша обычная игра, заключающаяся в одном лишь простейшем правиле: «От сих и до сих». На самом деле было еще одно правило, дополняющее первое: «Не спрашивай. От сих до сих». Я считал, что два года без каких-либо происшествий — это статус-кво, устоявшийся способ общаться друг с другом, а мы с Эстибалис отлично ладили.

Влияло на нас и то, что она была занята приготовлениями к свадьбе, а я овдовел лет уже... впрочем, какая разница.

— Надо же, мягкая, — пробормотал я, беря из ее рук пластиковую каску.

Мы поднялись по кривым лестницам, оставив позади макеты деревни Гастейс¹, первого поселения, на месте которого впоследствии был возведен город. Эстибалис остановилась, чтобы достать ключи от внутреннего помещения Старого собора, одного из символов нашего города, восстановленного и переделанного большее количество раз, чем мой детский велосипед. Плакат с чертежами работ встречал нас по правую руку.

Я знал наизусть все главные места нашей провинции; я хранил их у себя в височной доле с тех пор, как двойное убийство в дольмене двадцать лет и четыре месяца назад потрясло целое поколение виторианцев.

Дольмен под названием «Ведьмина Лачуга», кельтское урочище Ла-Ойя, римские солончаки Аньяна, Средневековая стена... таковы были места, избранные серийным убийцей, чтобы превратить Виторию и провинцию Алава в арену для хроник в мировых теленовостях. Появились даже туристические маршруты, проходящие по местам, которые благодаря этим событиям обрели новую жуткую славу.

В ту пору мне было двадцать, и эти события впечатлили меня до такой степени, что я решил стать полицейским. За расследованием я следил с одержимостью вчерашнего подростка, заикнувшегося на определенной теме. Анализировал скудные сведения, опубликованные в «Диарио Алавес», и думал: «Я бы справился с этим лучше. Они бестолковы, они не учитывают главного: мотивация, причина преступления». Да: в свои двадцать лет я считал себя умнее полиции, как бы ни наивно казалось мне это сейчас.

¹ Гастейс — древнее название Витории. В настоящее время употребляется как второе название столицы провинции Алава. В Стране Басков по сей день официально используются двойные названия городов: Витория-Гастейс, Дноestia-Сан-Себастьян и др.

В итоге реальность ударила меня по лицу сильнее боксерской перчатки; она ошеломила меня, как и всю страну. Никто не ожидал, что виновным окажется Тасио Ортис де Сарате. Убийцей мог оказаться кто угодно: сосед, монахиня ордена Клариссы, пекарь. Да хоть сам мэр...

Но только не он, наш местный герой, который был для нас больше чем идол: мы ему подражали. Медийный археолог, неизменный участник телешоу с рекордным количеством показов в каждом эфире, автор таинственных книг по истории, чьи тиражи расхватывали в считанные недели, Тасио был самым харизматичным и неотразимым человеком, рожденным в Витории за последние десятилетия. Умный, красивый, мужественный, по единодушному мнению всех женщин. Кроме того, у него был двойник.

Да, самый настоящий двойник.

Двое на выбор: у Тасио был брат, однойцевый близнец, точная его копия — даже ногти стриг так же. Не отличишь. Оптимист, как и Тасио, из хорошей семьи, весельчак, гуляка, образован, хорошо воспитан... Им сравнялось всего двадцать четыре года, а у ног их была уже вся Витория. Их ждало будущее не просто блестящее, а звездное, стратосферное.

Игнасио, его брат-близнец, встал на путь защиты закона: в тяжелые годы он сделался полицейским, к тому же был самым крутым и дельным парнем в нашем подразделении. Никто не ожидал, что история замкнется на этих двух братьях и все кончится так, как кончилось. Всё, повторяю, всё было слишком чудовищным и жестоким.

Один из братьев нашел неопровержимые доказательства того, что его брат-близнец — наиболее преследуемый серийный убийца во всем демократическом мире, и ему самому пришлось отдать приказ о задержании, при том что до последнего момента братья были нераздельны, как сямские близнецы... Игнасио стал человеком года, всеми почитаемым героем, который лично арестовал опаснейшего преступника и сделал то, на что способны немногие: выдал собственную кровь, посадил за решетку собственную жизнь.